

УДК 811.161.1'42:82-92

**ВАРИАТИВНОСТЬ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СУБЪЕКТА КАК КОМПОНЕНТА ПРОПОЗИЦИИ
ВЕРБАЛЬНОГО СОБЫТИЯ (на материале публикаций «Российской газеты»)**

С. В. Мохирева

**SUBJECT REPRESENTATION VARIABILITY AS A COMPONENT OF
VERBAL EVENT PROPOSITION (as revealed in «Rossiiskaya Gazeta»)**

S. V. Mokhireva

В статье рассматривается категория события и ее функционирование в масс-медийном дискурсе. Выдвигается тезис о зависимости актуализации того или иного структурного элемента медиа-события от авторской интенции. Исследуются способы представления субъекта как элемента пропозиции вербального события.

The category of event and its functioning in the mass-media discourse is considered in the article. The actualization of a certain structural element in a media event is supposed to depend on the author's intentions. The ways of presenting of a subject as the element of a verbal event proposition are investigated.

Ключевые слова: масс-медийный дискурс, событие, интерпретация, субъект, объект.

Keywords: mass media discourse, event, interpretation, subject, object.

Основу масс-медийного дискурса составляют категория события и близкие к нему онтологические категории (процесс, ситуация, факт и т. д.). Аудитория обращается к масс-медиа за информацией о том, что произошло, случилось, при этом определенная порция «среза реальности» интерпретируется автором исходя из его мировоззренческих, ментальных, профессиональных и т. д. установок. Событие – некий «шаг в общественном процессе» [15, с. 14], становясь известным многочисленной аудитории, ведет к изменению ее ценностных ориентиров, занимая ключевую, структурирующую, все то, «что хотел сказать» автор адресату, позицию.

«Событие», выступая в качестве универсальной категории, является предметом обсуждения различных научных дисциплин. Несмотря на многочисленность исследований, вопрос о границах понятия, способах его репрезентации в тексте остается открытым.

Внимание исследователей обусловлено, по мнению Н. Д. Арутюновой, переключением «интереса (...) с предметно-пространственного аспекта мира на его событийно-временные характеристики» [1, с. 101]. Так, под «событием» понимается «квант структурированного знания о динамическом фрагменте картины мира» [11, с. 3], «изменение, которое имеет начало, кульминацию и завершение, выступающее в конечном итоге как новая реальность, новая ситуация» [7, с. 37]. «Событие» изучается как глобальная текстовая категория, связанная «с описанием различных действий субъекта и объекта в определенном пространстве и времени» [3, с. 183] и выражает основное сообщение – рему текста. В качестве доминирующей текстовой категории «событие» выступает «в процессе презентации определенной информации как универсальный субстрат общественно-политических отношений» [4, с. 3], а также является ведущим стилеобразующим фактором газетного текста [9]. Представленные определения показывают, что «событие-в-тексте» и «событие-в-реальности» не являются тождественными феноменами. Существует грань между событием как онтологическим явлением, как явлением действительности и событием как продуктом когнитивной

деятельности индивидуума, репрезентирующей этот элемент реальности с учетом ценностных установок и мировоззренческого вектора.

В журналистском дискурсе, представляющем «мир людей и их действий как мир событий» [12], «событие-в-тексте» номинируется как «медиа-событие» (С. И. Сметанина), «медиа-коммуникативное событие» (И. В. Рогозина), «вербальный факт» (Т. В. Чернышова). Под «вербальным фактом» мы, вслед за Т. В. Чернышовой, понимаем «воплощенный в тексте газетно-публицистического издания, т. е. «сюжетно завершенный» и представляющий собой оценочную интерпретацию реального события с учетом концептуальной системы того адресата, на которого ориентировано издание» [17, с. 65].

Ключевым подходом к пониманию процесса вербализации категории события является, на наш взгляд, подход, утверждающий связь предложения и фрагмента действительности. При этом отдельное предложение «концентрированно» представляет часть реальности, выступая как знак события. Неоднократно подчеркивается, что «событие» получает свое имя «события», если в качестве такового обозначено определенным индивидуумом. «Ведь событие (...) существует только благодаря своему описанию» [6, с. 14]. Нет вербализации – нет события, что особенно актуально для журналистского дискурса.

А. А. Еникеев, поддерживая идею события как вербализованного акта, рассматривает варианты развития отношений между событием и наблюдателем. Один из них представляет ситуацию, «когда несколько наблюдателей (свидетелей) наблюдают одно и то же событие. Это (...) ведет к множественности самого события, поскольку будет существовать множественность описаний этого события, его интерпретаций, модальностей» [6, с. 17]. На наш взгляд, именно такой подход, предполагающий множество вариантов описания события, характерен для медиасреды.

В качестве специфических мы выделили следующий ряд признаков «события»:

– оно описывается, пока событие не описано, оно является виртуальным фантомом;

- событие одновременно принадлежит реальному миру и сознанию человека;
- событие имеет модальную рамку, так как описывается разными людьми и с разными оценками;
- событие лично, так или иначе оно касается человека;
- событие имеет пространственные и временные рамки (даже если в реальности сложно найти момент начала события, формально при вербализации эта граница будет обозначена);
- при описании событие теряет свойство континуальности и приобретает признак дискретности. В результате вербальный факт становится мозаичным, а автор, представляющий событие, так или иначе на первую позицию вынесет один из фрагментов «мозаики».

Таким образом, событие – это категория, представляющая фрагмент действительности, координаты которого заданы пространственно-временными характеристиками, наделенная той или иной модальностью. «Событие-в-реальности» отличается от «вербального факта» тем, что последний представляет собой «отражение», пропущенное через призму авторского сознания. Критерием, разграничивающим эти два понятия, становится собственно вербализация события в тексте, репрезентирующая его (события) элементы в соответствии с личностной (авторской) иерархией значимости. Выражение авторского отношения (с помощью эксплицитной или имплицитной оценки), расстановка акцентов в понимании свершившегося факта происходит через обращение к интерпретации – «когнитивного процесса и одновременно результата в установлении смысла речевых и/или неречевых действий» [5, с. 31].

Развивая идею о дискретности категории события, т. е. о ее членности на составные элементы, каждый из которых выполняет определенную функцию, мы предлагаем обозначить следующие ключевые элементы: предикат («что случилось?»), «участники», время и пространство, результат (последствия). Актуализация того или иного элемента происходит по У. Л. Чейфу на уровне пропозиционализации («построения суждения»). В частности, выделяются отдельные элементы – предметы, которые говорящий выбрал в качестве участников события [16, с. 47].

На наш взгляд, событие (как некая часть универсума) имеет место при наличии участника, указания на время и пространство, результата (последствий) и предиката (обозначение – «что случилось»). Н. Д. Арутюнова рассматривает особенности существования каждого из этих элементов в предложении как вербализованном суждении о сути происходящего. В предложении элементы события получают свои позиции, обозначенные соответственно как субъект, объект, сирконстанты, предикат.

В данной статье подробнее остановимся на характеристике субъекта как компонента пропозиции вербального события и способах его выражения.

Материалом исследования являются две публикации федерального общественно-политического издания «Российская газета» (далее – «РГ»), освещающие конкретное событие, обладающее высокой новостной ценностью, – крушение теплохода «Булгария» на

Волге в июле 2011 года. Первая – «Смерть в «Булгарии» – вышла в номере от 12 июля 2011 г. Заголовок лаконично сообщает, что произошло («смерть») и где (пространственная локализация – «в «Булгарии»). Ключевыми словами, полученными в результате контент-анализа текста, стали следующие номинации, указывающие на неожиданность и масштаб события: «катастрофа» (4), «трагедия» (4), «национальный траур» (1), «День траура» (1), «бедствие» (1), «трагическое событие» (1). Такой набор лексем обусловлен, в первую очередь, количеством пострадавших россиян и проявляется в акцентировании внимания читателей на «жертвах катастрофы» («Сегодня в России национальный траур: страна скорбит о жертвах катастрофы, произошедшей с теплоходом «Булгария»). Начиная сообщение с обобщенного – «жертвы», автор разворачивает повествование по принципу конкретизации информации: «жертвы катастрофы» – «на борту (...) находилось 208 человек» – «погибло более 100 человек» – «спасли удалось 79 человек, из которых 50 – туристы, 23 – члены экипажа и шесть незарегистрированных пассажиров» – «один из пассажиров «Булгарии» Николай Чернов» – «жена и внук Николая». Такая «воронкообразная» концентрация информации позволяет перейти от общего представления картины случившегося к частной истории, касающейся каждого.

Заголовок публикации «Река слез» (от 13 июля 2011 года) выполняет не столько информативную функцию, сколько экспрессивную. Основные обстоятельства уже известны, событийная канва изложена (в дальнейшем она будет лишь дополняться новыми деталями), но трагедийный пафос, обрамляющий событие, продолжает сохраняться и поддерживаться СМИ, в том числе и в газетном дискурсе. Использование в заголовке метафоры («река слез») не только подчеркивает масштаб трагедии, но и вновь актуализирует (пусть косвенно) место, где все произошло (указание на водное пространство). Восприятие случившегося как бедствия поддерживается, об этом свидетельствуют использование ключевых слов «трагедия» (3), «кораблекрушение» (1), «крушение» (1), «катастрофа» (2), «бедствие» (1). Но внимание автора концентрируется не только на жертвах крушения, но и тех «участниках» события, которые имеют прямое отношение к его последствиям или причинам. Поэтому, на наш взгляд, первая публикация выполняет в большей степени информирующую функцию, вторая – интерпретирующую. Наиболее часто в обоих материалах встречаются лексемы «катастрофа», «трагедия», «бедствие». Значение этих слов содержит оценочный компонент, который имплицитно оказывает эмоциональное воздействие на реципиента. Так, «катастрофа» – это «внезапное бедствие, событие с трагическими последствиями» [13]; «трагедия» – «трагическое событие, происшествие, несчастный случай» [13]; «бедствие» – «большое несчастье с тяжелыми, часто гибельными последствиями» [13]. Таким образом, уже в семантике слов, используемых для номинации события, содержится его оценка как неожиданного, масштабного, имеющего смертельный исход.

Термин «субъект» толкуется как «то же, что и подлежащее», «агенса» [2, с. 462]. Под «объектом» по-

нимается «то же, что и дополнение», «то лицо или тот предмет, на которое направлено глагольное действие» [2, с. 279].

Субъект в качестве носителя активного, деятельностного значения и объект в качестве «предмета воздействия» субъекта, на наш взгляд, можно объединить с помощью одного функционального понятия «участник».

Исходя из философского определения категории объекта («то, что существует вне нас и независимо от нашего сознания, явление внешнего мира» [8, с. 441]), мы можем предположить, что объектом интерпретации в вербальном событии (в широком смысле) будет то фактическое (и ментальное) пространство, которое попадает в поле зрения автора-интерпретатора.

Реализацию субъектной (т. е. активно-деятельностной) природы участника можно проследить в классификации, основанной на анализе публикаций. Мы выделили следующие актуализации субъектов события:

«Ядерные»: находились в эпицентре события, когда оно происходило («жертвы», погибшие).

«Околоядерные»: обладают высокой степенью «вовлеченности» в событие (родные, очевидцы).

«Периферийные»: 1) не были на месте события, но активно вовлечены в разрешение его последствий (эксперты, сотрудники спецслужб, представители власти); 2) имеют прямое или косвенное отношение к тому, чтобы это событие было организовано – т. е. к причинам (владельцы, арендаторы, представители власти).

«Обобщенно-потенциальные»: потенциальные, подразумеваемые, но не названные участники, россияне, Россия.

Частотность упоминания того или иного участника на соответствующем уровне не является постоянной. Так, анализ публикаций показал, что, количество актуализированных «ядерных» участников в текстах, написанных сразу после того, как стало известно о крушении, превышает количество упоминаний в последующих публикациях. Авторский фокус смещается с «ядерного» на «периферийный» уровень, на котором расположены участники, выполняющие роли, обозначенные как «власть», «эксперты». На наш взгляд, такое смещение акцентов вполне объяснимо законами распространения информации в медиасреде. Период первичного знакомства аудитории с тем, что произошло, постепенно снижает свою остроту, важнее и актуальнее становится реакция аналитиков, экспертов из различных профессиональных сред. Для прессы, выполняющей в том числе и интерпретирующую функцию, важно представить, как, с тем, что случилось, будет, например, справляться власть как ведущий контролирующий государственный орган. Фокус с сообщения информации смещается на ее анализ.

Нам кажется недостаточным для характеристики событийного элемента «субъект» проведения только количественного анализа. Качественное рассмотрение всех указанных субъектов позволяет классифицировать их на следующие семантико-смысловые группы: «жертвы, пострадавшие», «родственники», «спасате-

ли, помощники», «ответственные», «власть», «эксперты (информаторы, аналитики)».

Разделение на группы, которые отражают качественную характеристику всех обозначенных в тексте субъектов, происходит на основе анализа их функциональной роли в представленном медиа-событии. В каждой группе находится неодинаковое количество упоминаемых участников, в зависимости от авторской интенции. Например, в материале «Смерть в «Булгари»» наибольшее количество актуализированных «участников» относится к группе «жертвы», наименьшее – к группе «родные». В публикации «Река слез» больше упомянуто «периферийных» участников.

При исследовании категории субъекта события нельзя не обратить внимания на ряд признаков, которые определенным образом его характеризуют:

1. Одушевленность – неодушевленность. Субъектами события могут стать лица, имеющие категорию одушевленности (люди, животные и т. д.), так и лица неодушевленного признака. При этом неодушевленные субъекты могут быть наделены (по воле автора) признаком одушевленности и, оставаясь «неживым» субъектом», получить языковую реализацию как живого, одушевленного персонажа. Например, «судно *«забрало» («Смерть в «Булгари»».*

2. Конкретность (например, точное указание имени, должности какого-либо субъекта) – неопределенность обозначения – неопределенность, но предполагаемость (например, использование метатекста «как сообщают»).

3. Социальная характеристика (отмечена профессиональная принадлежность, возраст, пол).

4. Активность – пассивность (автор наделяет / не наделяет способностью к активным действиям, или подчеркивает эту способность).

5. По степени вовлеченности в событие (от «ядерных» до «периферийных»).

6. По функциональной роли в событии («жертвы», «эксперты» и т. д.).

Кроме того, между субъектами возможно выявить внутренние связи и отношения, которые могут быть представлены смысловыми оппозициями или объединениями: «жертвы» – «виновные», «пострадавшие» + «родственники». Так, автор заявляет о субъектах, связанных разными семантическими связями и находящихся на разных событийных уровнях («периферийном» и «ядерном»): «*Тем не менее, как сообщили в ГУ МЧС России по РТ, двоим мужчинам удалось это сделать» (добраться вплавь до берега с места крушения) («Смерть в «Булгари»».*

В «ядерной» позиции (и любой другой) определенный обозначенный субъект имеет дополнительные характеристики. Автор вводит его в поле события, постепенно конкретизируя информацию о нем, так как в том или ином освещаемом аспекте события значима именно определенная характеристика или «подтип» участника. Например, «пассажиры» («Булгари») – ключевое (первичное) обозначение «ядерного» участника – разделяются на три важных для семантики события «подтипа»: «погибшие» – «спасенные» – «пропавшие без вести». В зависимости от авторского фокуса возможно выделение еще ряда актуальных каче-

ственных значений: члены экипажа – туристы; «официальные» (зарегистрированные) туристы – незарегистрированные пассажиры; жители республики Татарстан – жители других республик. К группе «пострадавшие» могут относиться все пассажиры «Булгари»; только спасенные; пострадавшие физически или морально. «Народ», в зависимости от контекста, в который погружает автор, может явиться не только российским народом вообще, но, иметь значение «родственники» или «сочувствующие». При этом принцип конкретизации информации работает и при введении в текст того или иного «участника», т. е. дается более подробная характеристика, детализирующая его статус. Автор может вводить читателя в суть произошедшего следующим образом: обобщенно («как со-

общили в ГУ МЧС России по РТ»); конкретно («исполняющий обязанности президента РТ – премьер-министр Татарстана Илдар Халиков»); постепенное «разворачивая» информацию: «За это время, по его словам, мимо терпящих бедствие проплыли два судна. Одно называлось "Волганефть", а вот название второго, баржи, он не разобрал («Смерть в «Булгари»»).

Таким образом, участник события, имеющий субъектно-объектную природу, является ключевым элементом событийной структуры. Вариативность его представления зависит от авторского фокуса освещения события, что, в свою очередь, продиктовано сформированными профессиональными и мировоззренческими ориентирами.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М., 1988. – 341 с.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 608 с.
3. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста / Н. С. Болотнова. – М., 2007. – 520 с.
4. Грушевская, Е. С. Языковые средства презентации системно-структурной организации события как глобальной категории политического газетного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Грушевская. – Ставрополь, 2010. – 22 с.
5. Демьянков, В. З. Краткий словарь когнитивных терминов / В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова. – М., 1996. – 245 с.
6. Еникеев, А. А. Событие, сознание, текст в пространстве социально-философского знания: дис. ... канд. филол. наук / А. А. Еникеев. – Екатеринбург, 2003. – 164 с.
7. Лазутина, Г. В. Жанры журналистского творчества / Г. В. Лазутина, С. С. Распопова. – М., 2011. – 320 с.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
9. Печетова, Н. Ю. Стилеобразующие факторы репрезентации события в региональных газетно-публицистических текстах (на материале газет Республики Саха): дис. ... канд. филол. наук / Н. Ю. Печетова. – Барнаул, 2012. – 179 с.
10. Рогозина, И. В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект: монография / И. В. Рогозина. – М.; Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2003. – 289 с.
11. Резникова, С. С. Концепт «событие» и способы его вербальной репрезентации в СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. С. Резникова. – СПб., 2006. – 22 с.
12. Силантьев, И. В. Газета и роман: риторика дискурсных смещений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/224981/read>
13. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://febweb.ru/feb/mas/mas-abc/0encys.htm>
14. Сметанина, С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века): научное издание / С. И. Сметанина. – СПб.: Михайлов В. А., 2002. – 383 с.
15. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати: учебное пособие / А. А. Тертычный. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 312 с.
16. Чейф, У. Л. Память и вербализация прошлого опыта / У. Л. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып. 12: Прикладная лингвистика.
17. Чернышова, Т. В. Тексты в СМИ в ментально-языковом пространстве современной России / Т. В. Чернышова. – 2-е изд., перераб. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 296 с.

Информация об авторе:

Мохирева Светлана Викторовна – ассистентка кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ, 89059172801, smail-86@mail.ru.

Mokhireva Svetlana Viktorovna – assistant lecturer at the Department of Journalism and Russian Literature of the XX century of KemSU.